

Рустем Юнусов

Языковая личности в контексте художественного перевода с польского на русский язык

Studia Rossica Posnaniensia 32, 99-107

2005

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА С ПОЛЬСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

LANGUAGE PERSONALITY IN THE CONTEXT OF LITERARY WORKS TRANSLATION FROM POLISH INTO RUSSIAN

РУСТЕМ ЮНУСОВ

ABSTRACT. The article concerns a comparative analysis of the vocabulary reflecting the internal world of characters in Saxon novels by J.I. Kraszewski and their Russian translations. In the paper some linguistic means used by the novels' author and translators in order to create the characters' language portrait have been discussed.

Рустем Юнусов, Казанский государственный университет, Казань – Россия.

В современной лингвистике термин „языковая личность” стал системообразующим понятием, которое многими исследователями оценивается как интегративное и послужившее началом формирования антропоцентрического направления в языкознании, связанного с характеристикой человека в мире языка¹. Языковая личность является одним из важнейших видов личности и определяется в работах Ю.Н. Караулова как „многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков”². „Языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств”³. Ю.Н. Караулов представляет структуру языковой личности, состоящей из трех уровней: „1. вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2. когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную „картину мира”, отражающую иерархию ценностей...; 3. прагма-

¹ См. А. В е ж б и ц к а я, *Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики*. В: ее же, *Языки славянской культуры*, Москва 2001; В.С. В и н о г р а д о в, *Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы*, Москва 2001.

² Ю.Н. К а р а у л о в, *Русский язык и языковая личность*, Москва 1987, с. 29.

³ Там же, с. 38.

тического, заключающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности”⁴.

Одной из характерных черт современного языкознания является повышенный интерес лингвистов и к проблемам художественного перевода. Большинство исследователей подчеркивает важность анализа языковых особенностей художественных переводных текстов. Между тем, несмотря на постоянный интерес к данной области, язык переводов все еще остается недостаточно изученным, и это касается прежде всего сопоставительного анализа разновременных переводов одного и того же оригинального произведения. Малоизученной является и та часть языкознания, которая на основе исследования языка произведений того или иного писателя в сопоставлении с разновременными переводами текстов этого автора „выстраивает” образ человека, созданный в художественном мире с помощью языковых средств.

Антропоцентричность является одним из ярчайших атрибутов языка художественной литературы. Особый интерес в плане языкового изображения человека представляют такие „саксонские” романы польского писателя XIX века Ю.И. Крашевского, как *Графиня Козель*⁵ и *Брюль*⁶, и их разновременные переводы на русский язык.

Нам известны два перевода романа *Брюль* на русский язык: первый представлен в собрании сочинений Ю.И. Крашевского под редакцией И.И. Ясинского (М. Белинского) (1915 г.)⁷, а второй – осуществлен С. Тонконоговой в 1980 году⁸. С момента своего появления роман *Графиня Козель* стал чрезвычайно популярным и читаемым в Польше. Данное сочинение несколько раз переиздавалось в самой Польше, а также за ее пределами в переводах на различные языки. В 1877 году в Петербурге был осуществлен первый перевод этого романа на иностранный язык, которым стал именно русский. Роман Ю.И. Крашевского *Графиня Козель* в русском варианте имел название *Фаворитки короля Августа II*⁹ и, что особенно важно, был переведен под редакцией известного русского писателя Николая Лескова. Только спустя сто лет, в 1971 году, в Москве появился второй перевод романа *Графиня Козель* на русский язык, выполненный малоизвестным, но талантливым переводчиком Е. Живовой¹⁰.

⁴ Там же, с. 15.

⁵ J.I. K r a s z e w s k i, *Hrabina Cosel*, Warszawa 1914.

⁶ J.I. K r a s z e w s k i, *Brühl. Opowiadanie historyczne*, Warszawa 1912.

⁷ Ю.И. К р а ш е в с к и й, *Граф Брюль*, перевод под ред. И.И. Ясинского (М. Белинского). В: его же, *Собрание сочинений в 30 тт.*, Санкт-Петербург 1915, т. 23, 160 с.; т. 24, 161 с.

⁸ Ю.И. К р а ш е в с к и й, *Брюль*, перевод С. Тонконоговой, Москва 1980, 320 с.

⁹ Ю.И. К р а ш е в с к и й, *Фаворитки короля Августа II в 2-х тт.*, перевод под ред. Н.С. Лескова, Санкт-Петербург 1877, т. 1, 330 с.; т. 2, 230 с.

¹⁰ Ю.И. К р а ш е в с к и й, *Графиня Козель*, перевод Е. Живовой, Москва 1971, 335 с.

Художественный перевод с одного родственного языка на другой обладает особой спецификой. В таких славянских языках, как русский и польский, достаточно много общих лексем, в том числе характеризующих человека. Подобные слова могут быть общеславянскими по происхождению, а потому иметь одинаковое фонетическое, грамматическое и словообразовательное оформление и т.д. Задача перевода с родственного языка является, таким образом, более сложной, чем перевода с неродственного языка, в силу фонетического сходства в оформлении отдельных лексем и провокационного наложения семантики польского слова на соответствующую близкозвучную русскую лексему, что в результате подобной лексико-семантической интерференции может привести к переводческим неточностям и ошибкам.

Переводческие соответствия при переводе с одного славянского языка на другой рассматриваются с точки зрения их фонетического оформления и семантики, в связи с чем необходимо выделить следующие типы эквивалентов: дублеты (лексемы, имеющие схожие звуковые оболочки и обладающие одним и тем же значением в сравниваемых языках); межъязыковые паронимы (слова, обладающие сходным звучанием и различным значением); лексемы, не имеющие близкозвучных коррелятов в языке перевода; наконец, т.н. безэквивалентные (лакунарные) лексические единицы, которые не имеют регулярных прямых переводных соответствий.

Из всего лексического состава рассматриваемых текстов (как польских подлинников, так и их русских переводов) нами выделены для анализа субстантивы и адъективы, характеризующие внутренний мир человека. Данному лексическому пласту отводится особая роль в романах Ю.И. Крашевского, поскольку проблема личности занимает специальное место в его творчестве, характерной чертой которого является персонцентризм. Имена существительные и прилагательные, как известно, обладают такой богатой и „эластичной” семантикой, с помощью которой они способны наиболее ярко и красочно характеризовать человека.

Внутренние характеристики персонажей анализируемых „саксонских романов” Ю.И. Крашевского, представленные в речи разных действующих лиц этих произведений, чрезвычайно разнообразны в языковом отношении. Палитра оценок, которые одни герои дают другим в диалогической речи, является очень пестрой. Прагматический аспект определяет целенаправленность речевой коммуникации персонажей в пределах художественного текста. Коммуникативные установки (интенции) играют важную роль в построении диалогической речи героев, а потому информативная направленность таких речевых актов осложняется дополнительными задачами. В своих диалогах персонажи не только передают некоторые сведения, но и обмениваются разного рода оценками, причем разные герои могут быть охарактеризованы как положительно, так и отрицательно в зависимости от речевой ситуации.

Среди субстантивов, относящихся к речевым характеристикам персонажей рассматриваемых текстов, можно выделить многочисленную группу мор-

фологически производных существительных с ярко выраженным эмоционально-экспрессивным содержанием. Суффиксальным производным оригинала в русских разновременных переводах соответствуют различные лексические эквиваленты. Например: *ruszatek* – *гордец* (В1915) – *гордец* (В1980), *zichwalec* – *наглец* (В1915) – *наглец* (В1980), *świętoszek* – *ханжа* (С1877) – *ханжа* (С1971), *okrutnik* – *изверг* (С1877) – *изверг* (С1971), *mistrzuni* – *мастерица* (С1877) – *искусница* (С1971), *drapieżca* – *хищник* (С1877) – *разбойник* (С1971), *młodziak* – *молокосос* (С1877) – *мальчишка* (С1971), *rozpusztnik* – *развратник* (С1877) – *развратник* (С1971), *cidotwórca* – *чародей* (В1915) – *чудотворец* (В1980).

Особый интерес представляют способы передачи на русский язык такой яркой речевой характеристики одного из главных персонажей романа *Графиня Козель*, как *drapieżca*. В польском языке субстантивные производные на *-ca* со значением лица чаще всего образуются от глагольных основ (например, лексемы типа: *łowca*, *przywódca*, *wynalazca*, *zwycięzca*, *morderca*, *znawca*, *zbawca*, *twórca*, *zabójca*, *pochlebca* и т.д.). Однако существительное *drapieżca*, обозначающее лицо, имеет адъективную мотивированность: *drapieżny* ‘хищный; свирепый, беспощадный’. С помощью суффикса *-ik* в польском языке от прилагательного *drapieżny* образован и другой субстантив – *drapieżnik* ‘хищник, хищное животное’, – который не выступает в языке при обозначении лица. Лексема *drapieżca* называет в польском языке человека беспощадного, который наживается на ограблении кого-то. В качестве синонимов для указанного слова оригинального текста можно привести такие польские субстантивы на *-ca* с ярко выраженной отрицательной коннотацией, как *grabieżca* ‘грабитель; тот, кто расточает средства, незаконно наживается’, *łupieżca* ‘грабитель’, которые могут иметь двоякую соотнесенность – либо с глаголами *grabić* ‘грабить’, *łupić* ‘насилно забирать имущество, грабить’; либо с существительными *grabież* ‘грабеж’, *łupież* устар. ‘грабеж’. Не случайно поэтому автор переводного текста 1971 года для словосочетания подлинника *młody drapieżca* предложил соответствие *молодой разбойник*, которое является достаточно адекватным в семантическом плане эквивалентом и образно характеризует персонажа – шведского короля Карла XII, известного в истории как одного из полководцев, проводивших захватнические и разрушительные войны. В то же время автор переводного варианта 1877 года актуализировал сему ‘хищный’ при переводе слова *drapieżca* (возможно, под влиянием однокоренного слова *drapieżnik* ‘хищник’) и использовал в качестве соответствия субстантив *хищник*, который в русском языке в результате семантической трансформации может иметь значение ‘тот, кто наживается на ограблении кого-нибудь, расхищении чего-нибудь’: *Я хочу спасти страну и Европу от молодого хищника, который готов разрушать её огнём и мечом* (С1877).

Одной из частотных речевых характеристик названного выше героя (молодого короля Швеции Карла XII) в тексте оригинала является производный субстантив *młodziak* ‘подростающий юноша, подросток’, с помощью которого

поляки и саксонцы – участники описываемых в исследуемых романах исторических событий – негативно оценивают в своей диалогической речи указанного персонажа. Для передачи содержания лексемы *młodzik* на русский язык переводчики находят следующие лексические эквиваленты: *ten młodzik* – *этот молокосос* (С1877) – *этот молокосос* (С1971); *uzichwalony młodzik* – *отуманенный удачами, самонадеянный молокосос* (С1877) – *самонадеянный мальчишка* (С1971); *chciwy młodzik* – *кровожадный молокосос* (С1877); *młodzik nierozorny* – *сумасбродный невзрачный мальчишка* (С1971).

Авторы разновременных переводных текстов в качестве соответствия для польского слова *młodzik* используют два русских субстантива – *мальчишка*, *молокосос*, – относящихся по своей стилистической окраске к разговорной сфере употребления. Существительное *мальчишка* ‘о молодом, несерьезном и неопытном мужчине’ содержит в своей семантике элемент пренебрежения (на что указывает и значение суффикса субъективной оценки). Второй вариант соответствия – *молокосос* ‘презрительно – о слишком молодом, незрелом мужчине, юноше’ – отличается от слова оригинала *młodzik* большим эмоционально-экспрессивным содержанием и ярко выраженной пейоративной коннотацией. Заметим, что в польском языке существует стилистически маркированная лексема *młokos* ‘о слишком молодом и неопытном юноше’, которая выступает как своеобразный дублет по отношению к русскому слову *молокосос*.

Субстантивы в большинстве случаев употребляются в сочетании с определениями, выраженными, как правило, прилагательными. Адъективам отводится значительная роль в системе стилистических средств романов Ю.И. Крашевского *Брюль* и *Графиня Козель*, поскольку имена прилагательные способны создать общий эмоционально-экспрессивный настрой произведения в силу специфики своего лексического значения, связанного с богатой возможностью варьирования признака.

Так, с помощью лексемы *wspaniały*, обладающей значением ‘замечательный, прекрасный, великолепный, величественный’, возможно чрезвычайно высоко оценить человека: *ten wspaniały wielki August II* – *этот великодушный великий наш Август* (В1915) – *этот великолепный и великий Август II* (В1980). В приведенном примере прилагательные *великодушный*, *великолепный* выступают в роли синонимов, достаточно адекватно передающих семантику слова оригинала *wspaniały*. В то же время в ином контексте адъектив *wspaniały* может приобрести дополнительную информацию, выраженную имплицитно: *wspaniałym był tyranem* – *он был величественным тираном* (В1915) – *великим был тираном* (В1980). Указанный пример, содержащий речевую характеристику того же персонажа – короля Августа II, свидетельствует о том, что прилагательное *wspaniały* в сочетании с такой лексемой, как *tyran* ‘тиран’, приобретает новую – отрицательную – коннотацию. То же самое касается и переводных соответствий – лексем *величественный*, *великий*. Таким образом, адъективы с положительной коннотацией в ироничном контексте способны стать энантиосемичными.

Рассмотрим следующую характеристику одного из персонажей романа *Графиня Козель: Jaki zabawny Hoym pijany! Co za nieoszacowany człowiek! – Какой забавный этот Гойм, когда он пьян! Какой неоценённый человек! (С1877) – Ну и забавен же Гойм под хмельком! Что за бесценный человек! (С1971).*

Лексема подлинника *nieoszacowany*, представляющая собой префиксальное производное от страдательного причастия *oszacowany*, которое в свою очередь образовано от глагола *oszacować* ‘оценить’, – в более раннем переводном тексте переводится вполне адекватно в семантическом плане посредством такой же страдательной формы причастия с отрицательной приставкой *ne-*: *неоценённый*. При этом автор второго перевода использовал в качестве эквивалента производное (конфиксальное) прилагательное *бесценный* ‘чрезвычайно ценный, неоценимый’. Заметим, что указанный русский адъектив способен обладать также иной – противоположной – семантикой, а именно: ‘малоценный, не имеющий цены’. В русском языке „встречается конфиксальная энантиосемия в кругу имен (и прежде всего – прилагательных). Так, полярность, близкую к контрастной, способен выражать конфикс *без...ный*, служащий для выражения словообразовательных значений: ‘не имеющий чего-либо, на что указывает производящая основа’ и ‘имеющий что-либо (правда, как правило, в незначительной степени)’”¹¹.

Среди отрицательных речевых характеристик женских персонажей исследуемых романов можно обнаружить следующий выразительный пример: *Bezwygodna! Wyrodna! – Бесстыдная! Чудовище! (В1915) – Бесстыдница! Преступница! (В1980)*. Содержание производного прилагательного оригинала *bezwygodna*, образованного конфиксальным путем, передано в русских переводах адекватно с помощью такого же морфологического деривата *бесстыдная* и посредством производного субстантива *бесстыдница*, указывающего на лицо женского пола. Слово подлинника *wyrodna* является адъективом, связанным по происхождению с глаголом *wyrodzić się* ‘утратить типичные черты какой-то семьи, чьего-то рода’ и способным резко сниженно оценивать человека ничтожного, подлого, бессовестного. В качестве переводных соответствий для указанного польского прилагательного переводчики использовали субстантивы *чудовище*, *преступница*, отличающиеся ярким эмоционально-экспрессивным содержанием, стилистической маркированностью и при этом являющиеся достаточно далекими по своей семантике от соответствующей лексики оригинала. Заметим, что существительное *чудовище* ‘уродливое, безобразное, внушающее страх существо’ употреблено в переводе как семантически трансформированное слово, обозначающее человека с крайне отрицательными, отталкивающими моральными качествами.

Одной из характерных особенностей языка исследуемых текстов является наличие многочисленных синтаксических конструкций, содержащих в своем составе целые ряды однородных определений, с помощью которых одни персонажи дают выразительные оценки другим действующим лицам в своей диа-

¹¹ Э.А. Балалыкина, *Приключения слов*, Казань 1993, с. 98.

логической речи. Так, в тексте романа Брюль встречаем следующую характеристику героя – короля Августа III: *piękny, dobry, niezdolny do niczego mężczyzna: namiętny bez uczucia, przywiązany bez odwagi, pobożny i zabobonny, a lubieżny i rozkosznik, skryty, bojaźliwy, bezmyślny, nudny, śmiertelnie nudny* – человек добрый, красивый, но ни к чему не способный; страстный, но без всякого чувства истинной привязанности; набожный и суеверный, а между тем человек сладострастный, скрытный, бессмысленный и скучный, смертельно скучный (В1915) – *хорош собою, добрый – и ни на что не способный мужчина; страстный, но без чувства, преданный, но с оглядкой, благочестив, суеверен, но при этом сладострастник и развратник; скрытый, пугливый, беззаботный и скучный – смертельно скучный* (В1980).

Приведенный пример свидетельствует о том, что названный персонаж оценивается одновременно как с положительной, так и с отрицательной позиции. Прилагательное оригинала *piękny* ‘прекрасный’ переводится достаточно адекватно с помощью полной формы адъектива *красивый* и сочетания краткого прилагательного с возвратным местоимением *хорош собою*. Для определения *dobry* оба переводчика предлагают дословный эквивалент *добрый*. Адъективно-местоименное словосочетание с двойным отрицанием *niezdolny do niczego* имеет адекватные в семантическом и структурном плане соответствия в переводных текстах: *ни к чему не способный* (В1915); *ни на что не способный* (В1980).

Для лексем подлинника *namiętny bez uczucia* – досл. ‘страстный без чувства’ и *przywiązany bez odwagi* – досл. ‘привязанный без отваги, смелости’ авторы переводов находят разные эквиваленты: первый переводчик, объединяя содержание указанных лексем, использует соответствие *страстный, но без всякого чувства истинной привязанности*; второй переводит каждое словосочетание отдельно – *страстный, но без чувства; преданный, но с оглядкой*, причем первая часть перевода является дословной, в то время как вторая представляет собой более свободный перевод слов оригинала. Заметим, что польское причастие *przywiązany* и его регулярное однокоренное соответствие в русском языке *привязанный* развили значение ‘чувствующий близость, преданность кому/чему-нибудь’ в результате семантического переосмысления. Переводной эквивалент – полная форма прилагательного *преданный* – означает ‘постоянный в своей привязанности, верности кому/чему-нибудь’ и является синонимом по отношению к лексеме *привязанный*. При этом переводчик 1980 года употребил для перевода предложной формы родительного падежа субстантива *bez odwagi* русскую фразеологическую единицу *с оглядкой* ‘с осторожностью, осмотрительностью’, усилив тем самым экспрессивно-эмоциональное воздействие на читателя (особенно в противопоставлении *преданный, но с оглядкой*).

Слово *pobożny* переводится адекватно посредством однокоренного прилагательного *набожный* либо краткой формы адъектива *благочестив*. Отсубстантивное прилагательное *zabobonny* является суффиксальным дериватом на

-л(у) от производящей основы *zabobon* 'суеверие'. Семантика указанного адъектива отражается в переводах вполне адекватно с помощью производного прилагательного *суеверный* (и его краткой формы *суеверен*), морфологически образованного от существительного *суеверие*.

Переводчики совершенно справедливо избегают дублетности при переводе на русский язык лексемы *lubieżny* и предлагают в качестве семантического эквивалента адъектив *сладострастный*, а также суффиксально образованный от него субстантив *сладострастник*, называющий лицо мужского пола.

Польское производное на *-nik rozkosznik* может иметь двоякую мотивированность: существительное *rozkosz* 'наслаждение, сладострастие'; прилагательное *rozkoszny* 'чудесный, сладострастный, прелестный'. Указанные польские производящие слова являются межъязыковыми паронимами по отношению к близкозвучным русским лексемам – соответственно *роскошь, роскошный*, которые отличаются от своих фонетических коррелятов совсем иной семантикой: *роскошь* 'пышная красота; излишества в комфорте, в удовольствиях' (регулярные семантические соответствия в польском языке – *przepych, luksus, wspaniałość*); *роскошный* 'отличающийся роскошью, богатством; великолепный, замечательный' (прямые семантические корреляты в польском языке – *wspaniały, luksusowy*). В связи с этим автор переводного текста 1980 года оправданно избегает дословного перевода слова *rozkosznik* и предлагает эквивалент на *-ник* – производный субстантив *развратник* 'человек, распущенный в половом отношении', с помощью которого усиливается отрицательная характеристика персонажа романа.

Лексема подлинника *skryty* является причастной формой глагола *skryć* и характеризует человека, не любящего говорить о себе, своих внутренних переживаниях. В русском языке указанному слову соответствует прилагательное *скрытный* 'избегающий откровенности, скрывающий свои мысли, чувства, намерения', которое и используется в более раннем переводе как адекватный эквивалент для польского *skryty*. В то же время автор более позднего русского перевода, по-видимому, под влиянием слова оригинала на основе созвучия употребил соответствие *скрытый*, то есть страдательное причастие, имеющее значение 'тайный, не обнаруживающийся явно; внешне незаметный или еще не проявившийся' и не способное, как правило, характеризовать лицо.

Адъектив на *-liwy bojaźliwy* 'боязливый, пугливый' в русском тексте 1915 года опущен, а в тексте 1980 года – переведен с помощью морфологически производного на *-ливый пугливый* 'склонный к испугу, всего боящийся'. В данном случае при фонетическом несовпадении прилагательных *bojaźliwy* – *пугливый* наблюдается параллелизм в словообразовательных отношениях этих семантических коррелятов.

Наконец, слово-характеристика *bezmyślny* 'не думающий, глупый, легкомысленный', представляющая собой морфологическое образование с помощью конфикса *bez...ny* и содержащее в структуре своего значения пейоратив-

ную коннотацию, передается в разновременных переводах по-разному: *бессмысленный* (В1915); *беззаботный* (В1980). Оба приведенных переводных соответствия также являются конфиксальными производными, при этом наиболее адекватным в семантическом отношении эквивалентом представляется адъективная лексема *беззаботный* 'ни о чем не заботящийся, легкомысленный'. Прилагательное *бессмысленный* 'лишенный смысла, неразумный' в русском языке практически никогда не используется в качестве характеристики лица; точным соответствием этой лексемы в польском языке является слово *bezsensowny* (конфиксальный дериват от слова *sens* 'смысл'). Можно предположить, что переводчик 1915 года употребил адъектив *бессмысленный* для перевода слова *bezmyslny* под влиянием определенного созвучия (хотя мотивирующей базой для указанного слова оригинала является субстантив *myśl* 'мысль').

Таким образом, уже на основании приведенных примеров видно, что писатель и вслед за ним авторы русских переводов анализируемых польских романов используют все многообразие лингвистических средств для наиболее полного раскрытия языковой личности в тексте. В речи действующих лиц исследуемых оригинальных исторических повествований и их разновременных переводов на русский язык обнаруживаются самые разные языковые средства внутренней характеристики человека: эмоционально-экспрессивные лексемы, обладающие дополнительными коннотациями и различной стилистической маркированностью; разнообразные словообразовательные средства, демонстрирующие параллелизм деривационных систем русского и польского языков; семантическая деривация, происходящая в одних и тех же направлениях в обоих сравниваемых языках; устойчивые сочетания слов; эмоционально-оценочная энантиосемия, выступающая в речи персонажей для имплицитной передачи тех или иных (прежде всего отрицательных) оценок героев и др.